

ОГОНЕК

ВЫБРОСИМ ВОДКУ ИЗ НАШЕГО БЫТА!

Фото-плакат А. Шайхета.

Дом Плетанова

ПЯТЕРКА ПОБЕДИЛА!

Тридцать партий, — да, не меньше — участвовали в этом году в предвыборном соревновании. Из них 29 претендовали на то, что

Плакат компартии.

их лозунги должны объединить все германское население поголовно. У каждой из них свой собственный рецепт объединения, и ни одна из них, не исключая социал-демократической, не имела твердой предвыборной программы. Лозунги их ничем особенно друг от друга не отличались, и того, чего они добивались на самом деле, они своим избирателям не сообщали. То, что у них на самом деле на уме, они будут проводить в тиши парламентского стойла.

Рекламные тумбы, заборы и стены пестрели плакатами; фото, кино и радио были широко использованы; аэропланы сбрасывали с высоты прокламации, световые рекламы изменяли папиросам, ликерам и белью, и отдались тем партиям, которые могли оплатить их дорого стоящие услуги. Тем не менее вовсе не надо быть коммунистом, чтобы удостовериться в том, что настоящий контакт с массами достигнут был только коммунистической партией. Она делала больше, чем все остальные партии, вместе взятые, и только она одна смогла заинтересовать избирателей. И это несмотря на недостаток денежных средств, на преследования. Но никто не смог помешать тому, что только коммунисты говорили о действительных нуждах, называли своими именами те раны, которые терзают тело германского пролетариата, и о том, что нужно сделать для их излечения.

Буржуазные партии в помпезных залах собирали митинги, но залы оставались наполовину пустыми. Социал-демократы решили в подражание коммунистам организовать живую пропаганду, использовать те же средства, которые применяют коммунисты.

Им удалось завербовать большое количество избирателей, но

Письмо из Берлина *Андора Габора.*

настоящего энтузиазма, подъема среди их приверженцев так и не было.

На гигантской берлинской радио-мачте уже долгие недели светятся аршинными буквами слова: „Выбирайте социал-демократов!“ „Подписывайтесь на газету „Форвертс!“

Но ослепительные лучи светящихся букв не зажгли взглядов. Весь рейхсбаннер с развевающимися флагами и трескотней оркестров был мобилизован, но пользы не принес. Избиратель-буржуа вовсе не в восторге от мысли, что буржуазные партии должны блокироваться с социал-демократами, избиратель же пролетарий тем более не может радоваться по поводу того, что его вожди открыто перешли в лагерь буржуазии.

Штреземан лежит тяжело больной, почти при смерти. Но на площади Ноллендорф внезапно раздается его голос. Громко и ясно, как будто живой. Посредине площади стоит автомобиль, оклеенный банальными и ничего не говорящими плакатами. Над ним высится громкоговоритель, с оглушительной ясностью выкрикивающий слова Штреземана, произносимые граммофонной пластинкой. Всего несколько прохожих останавливается, чтобы послушать слова Штреземана.

Автомобиль дает пластинку договорить до конца и едет дальше, на площадь Виртемберг, где повторяется та же картина: Штреземан говорит, но никого не вдохновляет это чудо техники, благодаря которому агонизирующий человек выступает перед своими избирателями.

В воскресенье мы занимались предвыборной пропагандой за список № 5, коммунистический. Мы не носили роскошных знамен; вместо громкоговорителей, мы пользовались, — нас было семь человек в нашей группе, — своими собственными голосами. Хором крикнули в глубоком колодце двора пролетарского дома:

— Мы — ком-му-ни-сты!

Тотчас же открылись окна во всех этажах, и в них появились головы мужчин и женщин, дети сбежали с лестниц и окружили нас во дворе. Сотни сверкающих воодушевлением глаз направлены на того, кто говорит речь. Нас спрашивают, мы отвечаем.

Мрачный двор воодушевляется, полон подъема — мы слились в одно. Под конец мы поем

Дом Центрального Комитета германской коммунистической партии в Берлине в дни выборов.

песнь Карла и Розы, и весь двор поет вместе с нами, несмотря на то, что, по имеющимся у нас сведениям, во всем доме всего только две коммунистические семьи.

Мы снова на улице. Нас догоняет запыхавшийся товарищ. Подмышкой у него маленький граммофонный аппарат. Он взял его у знакомого и купил на свои деньги за три марки пластинку с речью Тельмана. Он изъявляет желание идти вместе с нами и завести свой граммофон.

Плакат националистов с портретом Гинденбурга.

Невозможно описать, с каким восторгом встречают нас и наш граммофон в соседнем дворе. Нам не дают говорить.

— У вас есть граммофонная пластинка?

— Да, у нас Тельман.

— Пусть он говорит!

Из окон кричат: — Великолпно! Тедди будет говорить! Слушайте Тедди, фамос, он сегодня в Гамбурге, я прочел об этом в газетах, — а будет говорить здесь, для нас!

Тельман говорит из рупора граммофона. Граммофон шипит, и голос Тельмана звучит далеко не так ясно и отчетливо, как голос Штреземана, но что из этого! Слушают с напряжением, раздаются возгласы: „Правильно, хорошо!“ — и аплодируют, как если бы Тельман действительно сам присутствовал здесь.

Как уже сказано, на всех углах пестреют плакаты, но странно: из всех выделяются и по художественности исполнения только коммунистические. Буржуазные и социал-демократические плакаты бледны и бессодержательны, лишены силы и выразительности. Там, где линия или цвет приковывают взгляд, там плакат вывешен коммунистами, он зовет голосовать за „пятерку“. Наши плакаты полны подъема, как тот класс, от имени которого они говорят.

Перевела с немецкого

Е. Кальмеер.

НАШ МАРКСИСТСКИЙ ПЕРВОУЧИТЕЛЬ

Очерк П. Н. Лепешинского.

У людей, имеющих право на историческую известность, у людей, которые по своему умственному превосходству или по своей общественной роли на целую голову возвышаются (или некогда возвышались) над необозримой толпой современных „людишек“ (одно из обиходных насмешливых словечек Г. В. Плеханова), есть одна счастливая привилегия: их посмертная репутация в глазах заинтересованных групп человечества все более и более очищается от темных пятен, иногда или даже, быть может, частенько обезображивавших их общественную физиономию в моменты жестоких боев на арене политической борьбы со всеми ее трагическими или трагикомическими перипетиями.

К числу именно таких людей принадлежит и Г. В. Плеханов. Много было в его жизни моментов политического грехопадения, много справедливых упреков посылалось в свое время по его адресу со стороны представителей той революционной стихии (стихии пролетарской борьбы), с которой он самым искренним образом считал себя раз навсегда органически связанным. И тем не менее, чем дальше в глубь времен уходит история этих грехопадений и этих поводов к справедливым упрекам, тем все менее и менее у благодарных пролетарских поколений является охота „сочислаться“ задним числом с Плехановым — меньшевиком, с Плехановым — ура-патриотом, или лишний раз подчеркнуть те или иные случаи банкротства его революционно-марксистской мысли. Зато Плеханов, как пионер-сеятель идей марксизма на благодатной почве русского революционного движения в 80-х и 90-х гг. прошлого столетия, Плеханов — мыслитель очень крупного калибра, Плеханов — глубочайший философ-марксист, Плеханов — вождь и воспитатель целого ряда поколений революционной интеллигенции, — словом, Плеханов, имеющий право на бессмертие, этот наш великий Плеханов все ярче и ярче вырисовывается на фоне исторического прошлого, как монументальнейшая революционная фигура.

Когда-то он учил нас, что отдельная личность может оказывать заметное влияние на ход истории только в качестве выразителя тех исторических тенденций, которые выявлены и подсказаны всем ходом развития данной эпохи. Если индивидуум, хотя бы и обладающий сильною волею и незаурядным умом, игнорирует эти естественные движущие силы исторически предопределенного социального процесса, если он вздумает свою субъективную волю и свои субъективные желания противопоставить стихиям жизни, смело беря на себя задачу в корне изменить их вопреки наметившимся объективным законам общественного развития, он в лучшем для себя случае становится лишь автором эффектного вспыскушательства, но никаких исторических сдвигов на самом деле не производит. Что же касается самого Плеханова, то он со своей очень крупной индивидуальностью явился именно „избранником“ ее величества истории и стал бессмертным в качестве человека, который хорошо изучил „намерения“ этой властной особы (т. е., проще говоря, охватил своим сознанием законы и условия общественного развития пореформенной России) и сумел использовать эти „намерения“ в интересах

того класса, делу которого он решил посвятить все силы своего ума и своей революционной воли.

Какова же была та объективно данная историческая обстановка, которая предопределила общественную роль Плеханова в истории русского революционного движения? Ответим кратко на этот вопрос.

Капитализм давно уже пробил себе брешь в толще тех укрываний, за которыми целые века укрывался феодальный строй крепостной России. Но со времени так называемых „великих реформ“ в 60-х гг. прошлого столетия он стал себя чувствовать здесь совсем как у себя дома. Восточная Европа покрылась сетью железных дорог. Пышным цветом расцвело грюндерство. Иностранцы капиталы бешено ринулись на российскую целину. Задымили и в больших городах, и в только что обра-

Георгий Валентинович Плеханов.

зовавшихся новых центрах промышленности высокие трубы бесчисленных фабрик и заводов. Под напором вторгшегося в жизнь России капитализма старая деревня с ее общипанным укладом стала быстро разлагаться. Перед властью „купона“ не могла устоять никакая кремневая натура Иванов Ермолаевичей.¹ Колупаевы и Разуваевы стали подлинными хозяевами всех Гореловок и Нееловок. Наряду с этим появилась новая общественная сила, которой не знала дореформенная Россия: родился пролетариат, обнаруживший с каждым новым десятилетием все более и более крепнущую, все более и более упорную тенденцию найти свое классовое лицо, отыскать свои особые формы классового самоопределения, обрести свою историческую задачу.

Однако, ничего этого не замечали или старались не замечать представители народнической революционной интеллигенции. Верные своему старому катехизису

¹ Иван Ермолаевич — излюбленный герой Глеба Успенского, знающий только одну над собой власть — власть земли.

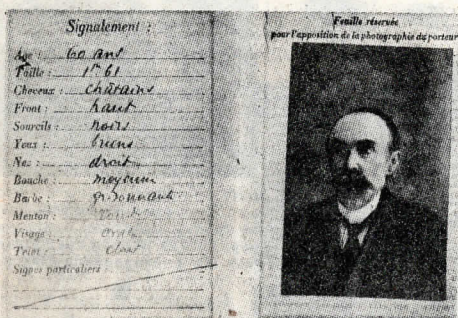
с его догмами о самобытных путях экономического развития России, об исторической роли общины, как непосредственного предтечи и прообраза ожидающего мужицкую Русь социализма, о вредных последствиях тактики, преследующей цели завоевания для страны политических свобод, что было бы, по мнению правоверного народничества, закреплением позиций либеральной буржуазии, в ущерб развитию самобытных социалистических тенденций в недрах „народной“ жизни, и тому подобными „истинами“, выношенными революционной мыслью шестидесятников и семидесятников и ставшими явным уже нелепым пережитком в народнической идеологии 80-х и 90-х гг., — верные этому своему символу веры народники на протяжении многих десятилетий совершали чудеса героической борьбы со стоявшими на пути к их общественным идеалам силами полицейско-дворянской России. Но эта борьба, как известно, была бесплодной. А между тем нехватало, казалось, немногого. Нехватало нового „пророка“, имеющего достаточные личные данные, чтобы быть властителем дум революционной интеллигенции, который смело и решительно выступил бы вперед и открыто бы провозгласил: народническая теория, предопределяющая и революционную практику народников, ложна в своих основах. Капитализм является не „угрозой“ для самобытного развития „мужичьего социализма“ в России, а уже фактом неотвратимой действительности. Народническая война с „гридущим“ капитализмом подобна борьбе знаменитого Дон-Кихота Ламанчского с ветряными мельницами. Да и самый этот крестьянский социализм представляет чистейшую мелкобуржуазную утопию. В центре же всех революционных проблем должен быть поставлен не жалкий общинник с его признанием власти земли, а совершенно другой персонаж — потомственный почетный пролетарий.

Только при этом условии революционная борьба имеет все шансы превратиться из обреченной на постоянную неудачу единоборства кучки революционеров со старым эксплуататорским строем в массовую борьбу нового класса с господствующими группами, опирающимися на самодержавно-полицейское государство. Борьба за социализм неотделима от политической борьбы со всеми пережитками феодального уклада, и прежде всего с самодержавием. Эту борьбу может и должен повести пролетариат, ставший во главе всех недовольных, всех угнетенных, всех оппозиционно настроенных по отношению к самодержавию групп населения. „Революционное движение в России может восторжествовать, только как революционное движение рабочих“.¹

В наше время юный комсомолец, изучающий политграмоту, может сколько угодно изумляться тому, как это такие простые, азбучные, не вызывающие никаких сомнений, истины могли кем-нибудь оспариваться в прежнее время, и неужели же нужно было много ума и эрудиции, чтобы доуматься до этих мыслей и привести их в стройную систему. А, между тем, 40—

¹ Слова, напечатанные курсивом, принадлежат Плеханову и сказаны им в докладе 1-му конгрессу II Интернационала в июле 1889 года в Париже.

45 лет тому назад, чуден был весь огромный гений такого человека, как Плеханов, нужно было такое тщательное знакомство с сочинениями Маркса, Энгельса и других теоретиков научного социализма, которое уже в 80-х гг. стало бесспорною заслугой Плеханова, нужна была присущая Плеханову железная логика, его заостренное великодушным сарказмом литературное перо и огромная революционная воля к борьбе за свои излюбленные идеи с целой армией озлобленных и готовых предать его анафеме противников,—нужно было все это, чтобы иерихонские стены русского традиционного народничества пали наконец перед мощным трубным гласом победоносного марксизма. Когда-то и Кеплер был посетителем и выразителем таких простых идей, которые сейчас являются привычной формой мышления для самых маленьких школьников, хорошо уже знающих, что

Последний паспорт Г. В. Плеханова, выданный ему французским консулом 25-го марта 1917 года для поездки в Петроград.

земля движется вокруг солнца, а не весь мир вокруг земли. Но нынешняя популярность и общедоступность кеплеровской гелиоцентрической системы несколько не умаляет великой исторической заслуги Кеплера, освободившего умы современников от вековых пут геоцентрической Птоломеевой теории. Точно так же, и Плеханов, внедривший в умы современников группы „Освобождение Труда“ рабочецентрическую революционную теорию, которая сменила господствовавшую до того мужикоцентрическую систему, этим самым обессмертил свое имя и вписал его в историю революционного движения в России, как одно из самых уважаемых, самых почетных имен в списке вождей пролетариата.

В течение 20 лет (начиная с 1883 г.) группа „Освобождение Труда“, душою и центром которой был Г. В. Плеханов, проделала огромную работу по части популяризации в России идей марксизма и очищения авгиевых конюшен традиционного народничества от накопившегося в нем в течение десятилетий теоретического мусора. Такие блестящие выступления воинствующей плехановской мысли, какие мы наблюдаем в его классических первых работах („Социализм и политическая борьба“, „Наши разногласия“) в свое время делают целую эпоху и потрясают до основания старое здание народничества. 10 лет неустанного долбления в одну точку со стороны группы „Освобождение Труда“ в конце концов производит надлежащий эффект. Марксизм в середине 90-х гг. уже торжествует свою победу в полной мере на развалинах отжившего свой век старого народничества. Разрывавшиеся в это время с оглушительным треском такие бомбы плехановского сарказма и его несокрушимой марксистской логики, как, например, первое *легалное* изложение Марксова учения на русском языке—книга Бельтова (псевдоним Плеханова) „К вопросу о монистическом взгляде на историю“, обеспечивают полную победу новой теории.

Марксизм становится своего рода поветрием в рядах русской революционной интеллигенции. И что важнее всего,—он делается достоянием не только интеллигентской мысли девяностых годов, но и проникает в сознание затронутых пропагандою рабочих масс. Петербургский „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“, руководимый новой восходящей звездой революционного марксизма—Владимиром Ильичем Лениным, усердным и восторженным учеником и поклонником Плеханова, уже намеченным судьбою для роли будущего величайшего вождя мирового пролетариата,—этот союз марксистов-рабочих становится образцом для возникновения такого же рода марксистских новообразований в целом ряде других городов, ставших центрами революционного рабочего движения. Одним словом, семена марксизма, посеянные группой „Освобождение Труда“, уже в середине 90-х гг. начинают давать многообещающие революционные всходы на почве массового рабочего движения.

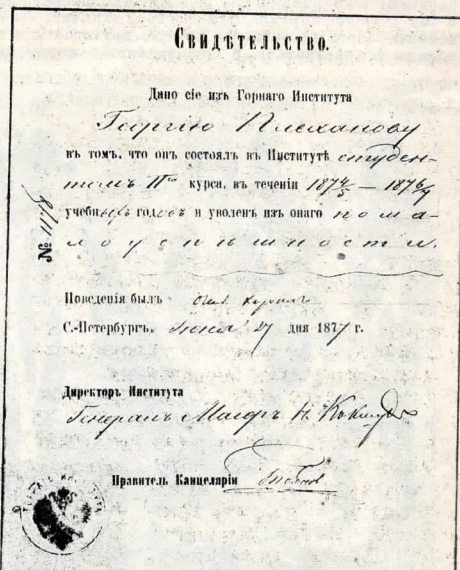
Совершенно понятно и естественно, поэтому, что когда Владимир Ильич после ссылки задумал издавать свою „Искру“, предназначавшуюся, между прочим, для целей объединения и цементирования всех разрозненных кусков только что нарождавшейся РС-ДРП, он и не мыслил проведение в жизнь этого своего начинания помимо Плеханова и вне организационной связи с основоположниками революционного марксизма в России. Плеханов в это время был на вершине своей славы. Его полемических стрел болялись самые сильные представители другого идеологического лагеря. Его союз с таким блестящим теоретиком марксизма и великодушным практиком революционной борьбы, как Ленин, разрывал перед ним новые возможности, новые перспективы для расширения сферы его революционного влияния на рабочее движение в России. К сожалению, уже в это

Статуя Г. В. Плеханова, работы Э. М. Зинovieвой-Дейч. У статуи: Р. М. Плеханова (справа), Л. Г. Дейч, Э. М. Зинovieва-Дейч.

время, т.-е. уже в период его сотрудничества с Владимиром Ильичем по старой „Искре“, все более и более начинала сказываться одна особенность его жизни, которая впоследствии стала источником боль-

шой трагедии этого великого человека. Оторванный от русской жизни, пребывавший многие годы в эмиграции, не связанный непосредственно с рабочими массами Рос-

О „малоуспешности“ Плеханова. В архиве Горного института в Ленинграде обнаружен интересный документ, связанный с увольнением студента Г. В. Плеханова „по малоуспешности“. Плеханов был одним из организаторов знаменитой первой политической демонстрации в декабре 1876 г. на Казанской площади и был единственным оратором, обратившимся к демонстрации с речью. Плеханова не удалось арестовать, но фамилия выступавшего „оратора“, как с тех пор стали называть Плеханова, вскоре дошла до полиции. Плеханову пришлось перейти на нелегальное положение, а Горный институт уволил его „по малоуспешности“.

сии, имея представление о выросшем русском пролетариате только понаслышке, только по печатным источникам или по беседам с забредавшими к нему в Женеvu соотечественниками, он мало-по-малу переставал чувствовать и понимать подлинную живую действительность, бившую ключом там, на арене борьбы молодого пролетарского класса с проклятием старой самодержавной России. Его могучая марксистская мысль стала освобождаться от своего диалектического жизненного содержания. В конце концов осталась только блестящая оболочка, прикрывавшая наготу этой мысли. Не понял он смысла, значения и уроков первой русской революции. Еще менее понял он накануне своей смерти великую роль нашего Октября. Так и сошел со сцены мощный революционный гений, не изведав под конец своей жизни того радостного предчувствия новых этапов в жизни человечества и новых форм борьбы пролетариата с мировой капиталистической реакцией, которое сейчас заставляет биться сердца десятков и сотен миллионов трудящихся.

Плеханов оторвался, к своему великому несчастью, от Ленина и не пошел по ленинскому пути. А все-таки он наш, он несомненный предок нашего ленинизма, и его идейное наследство было своевременно воспринято нашим пролетариатом, превращено в практику революционной борьбы и доведено до своих логических следствий в форме послеоктябрьского социалистического строительства под знаком пролетарской диктатуры. Несмотря на ослабление революционной мысли Плеханова в последний период его жизни, он тем не менее остается светочем революционного марксизма на заре революционной борьбы русского рабочего класса под знаком ленинизма, и никаким исподличавшимся Либер-Данам мы нашего первоучителя Плеханова не уступим никогда.

П. Ленишинский.